

# ИСПОЛНИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

*Юрий Новиков*

## БЫЛИНЫ КОЛОДОЗЕРСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

Колодозеро — небольшой по северным меркам водоем на юго-востоке Карелии, в окрестностях которого на рубеже XIX–XX веков располагалось около десятка деревень. Собиратели фольклора редко посещали этот отдаленный район. В 1860 году здесь проездом в Каргополь и на реку Онегу побывал П.Н. Рыбников, зафиксировавший часть былинного репертуара Колодозерского старика. Спустя два года он получил записанные по его поручению 8 старин Трофима Романова. Последующие визиты фольклористов в плане эпической поэзии оказались малоэффективными. В 1940 году сотрудник Карельского научно-исследовательского института культуры В.Р. Дмитриченко нашел здесь единственную сказительницу Домну Андреевну Шпагину, исполнившую былинку «Добрыня и Алеша»; это же произведение в 1957 году студенты МГУ записали от Дарьи Семеновны Шпагиной.

В количественном отношении совокупный репертуар колодозерских певцов (15 вариантов, 13 сюжетов) сопоставим с индивидуальными репертуарами таких пудожских сказителей, как Никифор Прохоров, Андрей Сорокин, Иван Фофанов, и заметно уступает обширному былинному багажу Григория Якушова и Федора Конашкова. Быть может, этим объясняется тот факт, что на протяжении почти полутора столетий старины колодозерских сказителей оставались на периферии интересов отечественной науки. Между тем они заслуживают самого пристального внимания, поскольку позволяют составить более полное представление о некоторых закономерностях бытования былин, в частности о соотношении и взаимодействии локальных эпических традиций на Русском Севере.

От **Домны Андреевны Шпагиной** и ее младшей однофамилицы **Дарьи Семеновны** (видимо, невестки)<sup>1</sup> записана былина «Добрыня и Алеша»<sup>2</sup>. Эти варианты настолько близки по всем параметрам, что их общие корни не вызывают сомнений. Шпагина-младшая, вероятнее всего, усвоила старину от своей свекрови. Судя по небольшому количеству инициальных частиц и наличию прозаических фрагментов (у Домны Андреевны их меньше), оба текста записаны не с пения. Отчасти это можно объяснить преклонным возрастом исполнительниц: в момент встречи с собирателями и Домне Шпагиной, и ее невестке было около 80 лет. Их варианты взаимно дополняют друг друга некоторыми факультативными подробностями, но сюжетообразующие мотивы и ключевые формулы в основном совпадают. В былинах Шпагиной-младшей гораздо заметнее просматривается естественная для второй половины XX века тенденция к обновлению архаичной лексики. *Гусельшико яровчато* превратилось в *весельшико*; игру Добрыни-музыканта на пиру исполнительница не описала. Вместо *знатетки* и *изложенки* (приметы, по которым мать узнает Добрыню) появилось слово *ширём* (шрам).

Некоторые детали в былинах сказительниц свидетельствуют о взаимодействии местной эпической традиции с традициями как Прионежья на западе, так и Кенозерско-Каргопольского края на востоке<sup>3</sup>. В частности, это относится к знаменитой формуле быстротекущего времени:

*День за днем, как дождь дождит,  
А неделя за неделю, как вода бежит.*

По нашим данным, восточнее Колодозера она встречается только в записях от книги вариантах. То же можно сказать о другом эпическом стереотипе:

*И стал Олёшенька к ей подхаживать,  
Стал Настасьюшку да уговаривать.*

А вот формула «*Мне брат крестовые да лучшие рódного*», напротив, популярна на Кенозере, Моше, Волдозере и не характерна для обонежских записей. Домна Шпагина использовала также типичное для кенозерских певцов описание внешнего вида богатырского коня:

*А у Бурушка гривушка трех локот,  
Шёрсточка трёх рядов<sup>4</sup>.*

<sup>1</sup> Это подтверждается косвенными данными. Домна Шпагина была на 20 лет старше Дарьи; после смерти мужа она переехала жить из деревни Усть-Река (в «Былинах Пудожского края» она ошибочно названа «Устеркой») в Заозерье, к сыну (Былины Пудожского края / подгот. текстов, статья и коммент. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 436, 502). В этой же деревне Заозерье проживала Дарья Шпагина.

<sup>2</sup> Былины Пудожского края. № 67; Архив кафедры фольклора МГУ. Экспедиция 1958 г. Тетр. 3. № 17.

<sup>3</sup> Здесь и далее для сопоставлений используются не типовые, общепотребительные мотивы, формулы и словосочетания (описания пира у князя Владимира, богатырской скачки *чуть повыше леса стоячего*, постоянные эпитеты *чистое поле, добрый конь* и т.п.), а гораздо более информативные элементы — редкие или имеющие ограниченный ареал бытования.

<sup>4</sup> Ср.: Онежские былины / подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. № 209. Далее ссылки на былины из этого сборника с указанием порядковых номеров даются непосредственно в тексте

Единственная более или менее близкая параллель в других пудожских записях обнаруживается в былине А. Голованова (Соколов-Чичеров, № 56).

В отличие от репертуара Шпагиных эпический репертуар **Трофима Романова** из деревни Пирзаковской довольно обширен. В сборнике П.Н. Рыбникова опубликовано 7 былин, в том числе два контаминированных текста («Исцеление Ильи Муромца» + «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья и голи кабацкие» + «Илья и Идолище»), а также ритмизованный пересказ сюжета «Святогор и Илья Муромец»<sup>1</sup>. Собираатель получил их в 1863 году в чужой записи, судя по всему, достаточно точной. О возрасте сказителя сведений нет, но можно предположить, что в момент записи ему было не менее 50 лет. По данным А.Ф. Гильфердинга, Романов умер в 1870 году. С. Максимов, один из кенозерских певцов, считал его своим учителем (Гильфердинг, III, 502). На Русском Севере за пределами семьи былины перенимали, как правило, у пожилых людей, пользовавшихся репутацией умелых *петарей*.

Отметив, что старины сказителей-земляков «близки по складу», П.Н. Рыбников считал Романова преемником Колодозерского старика, с которым ему довелось работать в 1860 году (Рыбников, I, LXXXVIII). Редактор второго издания сборника А.Е. Грузинский отнесся к мнению собирателя настороженно: «Трудно сказать, насколько это замечание верно: из пяти былин Колодозерского старика, вошедших в Рыбниковский сборник, только одна совпадает по сюжету с Романовскими (“Три поездки Ильи”), но она действительно сходна у обоих и притом она очень своеобразна» (Рыбников, II, 289). Сопоставительный анализ текстов подтверждает правоту Грузинского.

Колодозерские варианты «Трех поездок Ильи Муромца» близки по композиции и стилистическому оформлению; в них немало оригинальных элементов, отсутствующих у других олонечских сказителей. Оба исполнителя осознавали разбойников как *заставу великую короля Латынского*, оба включили в повествование развернутый эпизод из былины «Илья Муромец и голи кабацкие» (Колодозерский старик — № 165, стихи 58–85; Романов — № 142, стихи 52–80). В их текстах, поехав в ту дорожку, *где богату быть*, богатырь *побил / убил поганого Чудища*. Вряд ли эти новации восходят к «более древнему изводу былины», как полагал А.Е. Грузинский (Рыбников, II, 431). Скорее всего, сказители путем перенесений из других произведений пытались сохранить как художественное целое ускользающую из памяти старину о трех поездках Ильи Муромца. Характерно, что во второй ее части Романов нарушил традиционную последовательность эпизодов — герой сначала едет *во ту росстань, где богату быть*, а потом — *где женату быть*.

Некоторые мотивы и детали в «Трех поездках Ильи» Колодозерского старика и Т. Романова свидетельствуют об их контактах с кенозерами. Прежде всего это подробный рассказ о столкновении героя с чумаками-целовальниками и угощении вином голей кабацких. На Кенозере он неоднократно фиксировался собирателями как в виде самостоятельного произведения (Гильфер-

---

статьи; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. М.; Л., 1950. Т. 3. № 225 и др. Далее ссылки на записи А.Ф. Гильфердинга даются по этому изданию его сборника с указанием порядковых номеров непосредственно в тексте статьи.

<sup>1</sup> Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. М., 1910. Т. 2. № 138–145. Далее ссылки на былины олонечских сказителей даются по этому изданию сборника П.Н. Рыбникова с указанием порядковых номеров непосредственно в тексте статьи.

динг, № 239, 249 и др.), так и в качестве вставного эпизода в былине «Илья Муромец и Идолище» (Гильфердинг, № 220, 232 и др.). С былинами из этого региона колодозерские варианты роднит также употребление редкой формулы *кожан в пятьсот рублей* (ср.: Гильфердинг, № 223, 240 и др.), упоминание *земли / города / короля латынского* (ср. *дорожка латынская*: Гильфердинг, № 239; *жеребцы латынские*: Гильфердинг, № 223, 229 и др.)<sup>1</sup>. Однако самая чеканная формула, включающая это определение, принадлежит колодозерским певцам: *Заперта была земля Латынская*.

В текстах Романова имеются и **другие точки соприкосновения с кенозерской эпической традицией**. Обнаружив перед Киевом богатырскую заставу, Дюк благополучно избегает поединка с Ильей Муромцем и заручается его поддержкой: «...станут ли обижать [киевляне], сюда весть держи». Эта модификация сюжета, популярная на Кенозере, зафиксирована и на Пудогге (Рыбников, № 131 — А. Сорокин; Гильфердинг, № 218 — М. Нигозеркин). Как и в былине кенозера А. Гусева (Гильфердинг, № 288), Добрыня не сам идет за стрелой в терем Маринки, а посылает за ней *своего паробка да слугу верного*. Отчество жены Соловья-разбойника *Акулины Дудентьевны* навеяно редкой исторической песней о Щелкане Дудентьевиче, большинство вариантов которой записано на Кенозере (отдельные тексты найдены собирателями в Поморье и на Урале — сборник Кирши Данилова). К некоторым нестандартным мотивам и формулам Т. Романова близкие параллели обнаруживаются в географически удаленных от Колодозера районах. Таково, например, гиперболическое описание падения Соловья-разбойника с семи дубов:

*Мать сыра земля да всколыбалася,  
Во Пачей-реке вода с песком помутилася* (Соколов-Чичеров, № 139)<sup>2</sup>.

С былинной мошинского певца Н. Швецова (Гильфердинг, № 304) романовский вариант «Ильи и Калина» сближает оригинальный поэтический образ — не надеясь на спасение от нашествия татар, киевляне *звонят в плакун-колокол* (Соколов-Чичеров, № 141). Еще одна уникальная формула — *На вино пропью, на колач проем* — кроме Колодозера зафиксирована собирателями только на далекой Печоре. В тексте Романова так собирается поступить с пленным Соловьем-разбойником его победитель Илья Муромец, а в старине одного из лучших печорских сказителей П. Маркова Алеша Попович и его *паробок* Еким намерены пропить брошенный в них Тугарином булатный нож с серебряными припоями (Свод, I, № 115).

**Перекличка с обонежскими записями** (Кизи, Повенец-Толвуй, Пудожский берег и центральная Пудогга) в былинах Романова гораздо меньше, чем можно было ожидать. Его побывальщина об Илье Муромце и Святогоре (Соколов-Чичеров, № 138) по содержанию близка к ритмизованному пересказу Л. Бог-

<sup>1</sup> Этот эпитет использовал также выгозерский сказитель Ф. Никитин — *речь латынская* (Рыбников, № 110).

<sup>2</sup> Ср.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.: в 3 т. СПб., 2002—2003. Т. 2. № 239 — Кулой; Былины: в 25 т. (Свод русского фольклора). СПб.; М., 2001. Т. 1—2: Былины Печоры; 2003—2006. Т. 3—5: Былины Мезени (далее — Свод, с указанием тома и порядкового номера текста. Т. 4, № 152, 153 и др. — Мезень).

данова из Кижей (Рыбников, № 51), заметно уступая ему по объему и обстоятельности повествования. Название освобожденного Ильей Муромцем русского города *Бежегов* (Соколов-Чичеров, № 139) созвучно или даже буквально совпадает с топонимами, встречающимися в вариантах ряда прионежских сказителей (Рыбников, № 61; Гильфердинг, № 56; Соколов-Чичеров, № 44 и др.). Формула *Киев-град на красы стоит* (Соколов-Чичеров, № 144) обычна в записях с Пудогги и из Кижей (Рыбников, № 63, 130; Соколов-Чичеров, № 21 и др.). В рамках местной традиции выдержано описание зыбучих болот — одной из застав, которые преодолевает Илья Муромец на пути в Киев (Соколов-Чичеров, № 139; ср.: Рыбников, № 127, 170 и др.).

Возвращаясь к сюжету «Три поездки Ильи Муромца», отметим, что у колодозерских сказителей совпадают или очень близки и другие нестандартные словосочетания:

*И раздумался старый своим разумом*

(у Романова — *своим умом*);

*Зарычал атаман / атаманушко во всю голову*

(этот глагол встречается еще в двух былинах Романова — Соколов-Чичеров, № 139, 140);

*Налил <...> чашу красна золота<sup>1</sup>.*

Оригинальна формула, вложенная в уста королевны-обманщицы из «Трех поездок Ильи Муромца»:

*У тебя есть ли охота, горит ли душа?*

Видимо, эта новация принадлежит Колодозерскому старику, поскольку он неоднократно использовал ее в «Ставре», где подобный вопрос выглядит органичнее (Соколов-Чичеров, № 167, стихи 111, 124, 146, 171)<sup>2</sup>. В *погребях глубоких* у коварной королевны

*Наобманывано сорок царей, сорок царевичев,*

*Сорок королевей, сорок королевичев.*

(У Романова обманщица — просто *красная девица*, а не *королевична*, как в большинстве других олонецких записей, в том числе и у Колодозерского старика.)

В других старинах Т. Романова переключек с вариантами его земляка немного. Оба сказителя использовали составной эпитет *тоненький, беленький новшатер* (Соколов-Чичеров, № 145, 166); дополнили традиционное описание

<sup>1</sup> В другой былине Т. Романова есть формула, в которой глаголы *насыпать* и *налить* используются как синонимы:

*Насыпь-ко ты чашу красна золота,*

*Другую насыпь скатна жемчугу,*

*А третью налей чиста серебра* (Соколов-Чичеров, № 141).

<sup>2</sup> Частично эта формула представлена в старине А. Сорокина «Ставр Гоудинович»: «Горит душа, мне хочется» (Рыбников, № 133, стихи 159, 195). Этот пудожский сказитель родом из деревни Ченежи, примерно в 60 верстах к западу от Колодозера.

шегольских сапожек Чурилы Пленковича и Дюка Степановича еще одной подробностью:

*Под пята-пята воробышко летит,  
Воробышко летит, перепурхивает;*

подчеркивали не совсем учтвое обращение богатырей с добытыми силой невестами:

*Красну девицу в торока вязал* (Соколов-Чичеров, № 145, 166);  
(обычно так поступает Илья Муромец с побежденным Соловьем-разбойником).

В старинах сказителей-земляков сохранились архаичные детали, встречающиеся у немногих эпических певцов. Богатырь вяжет коня к воткнутому в землю копыю:

*Копье тупым концом во сыру землю,  
Шелковый повод на злаченный гвоздь* (Соколов-Чичеров, № 139, 167)<sup>1</sup>.

В былине Колодозерского старика Василий Буслаев, захватив в качестве трофея *шалыгу девяноста пуд*, доволен тем, что *брат пришел, по плечу ружье принес*<sup>2</sup>. Аналогичную мини-формулу находим в «*Илье и Калине*» Романова. *Плененный татарами Илья Муромец*

*Стал исподлобья выглядывать,  
И по плечу оружьяны присматривать.*

С текстами мезенских певцов (Свод, III, № 37, 40, 47; IV, № 97 и др.) переключается описание богатырской поступи:

*Он левой ногой во грядню столовую,  
А правой ногой за дубовый стол*  
(Соколов-Чичеров, № 169 — Колодозерский старик).

У Романова формула упрощена:

*Отворяй дверь на пяту,  
Наперед ступай левой ногой* (Соколов-Чичеров, № 141).

<sup>1</sup> Ср.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. № 11 (далее ссылки на уральский сборник даются в тексте статьи с сокращением КД и указанием порядкового номера текста); (Гильфердинг, № 80 — Т. Рябинин) и др.

<sup>2</sup> В старину слово «ружье» означало также «оружие вообще» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 109).

Возможно, с деловой практикой русского средневековья связана формула

*У нас записи-то с ним пописаны,  
К записям у нас руки приложены,  
К рукам у нас головы приклонены*

(Соколов-Чичеров, № 145; ср. стихи 165–167 в старине Колодозерского старика — № 169).

В усеченном виде эта формула есть и в сборнике Кириши Данилова: князь Владимир руку приложил к ерлыку скоропищату (КД, № 16).

Однако в целом количество сходжений в эпических песнях этих двух сказителей не превышает обычного для жителей соседних деревень уровня. Многие общеэпические формулы, которые могут быть использованы в разных сюжетах, встречаются только у одного из колодозерских певцов, а у другого их либо вообще нет, либо они оформлены иначе. Так, Т. Романов усложнил или изменил некоторые типовые формулы:

*Поклоняется на все на четыре стороны,  
Князю Владимиру пятой поклон* (Соколов-Чичеров, № 139);

*Крест на шатре, будто жар горит* (Соколов-Чичеров, № 141).

Колодозерский старик использовал другие поэтические образы: поставив шатер в чистом поле, Михайло Потык

*Маковку надел красна золота,  
От маковки лучи пекут:  
День пекут по красному солнышку,  
А ночь пекут по светлomu месяцу* (Соколов-Чичеров, № 166).

В одной из былин Романова (Соколов-Чичеров, № 145) герой говорит <...> да не с удрбюю («не робея»), но сказителю известен и типовой вариант формулы — «говори <...> не с упадкою» (Соколов-Чичеров, № 141). Сравнение Соловья-разбойника с сенной кучей *неподъемной*, встречающееся в былинах ряда олонецких сказителей, тоже слегка видоизменено: *И сидит Соловей у стремена*, как сenna копна (Соколов-Чичеров, № 139).

В художественном арсенале Т. Романова, как и у его земляка, сохранились архаичные синтаксические конструкции, свойственные языку средневековой деловой письменности, — сочетания глагола с отглагольным существительным или двух глаголов, которые равнозначны одному слову:

*Чинил первую поездку богатырскую* (Соколов-Чичеров, № 139);

*Станем со мной бой держать* (Соколов-Чичеров, № 145).

Оригинальны и выразительны некоторые другие формулы сказителя:

*Эта слава шла про Чурилушку Пленковича не ложная,  
Что шея у Чурилы будто белый снег,*

*Личико у Чурилушки будто маков цвет;  
А эта славушка про Чурила шла ложная,  
Что умеет Чурилушка честь отдать и поздравствовать* (Соколов-Чичеров, № 144);

*У меня срощена собака на моем дворе  
Отдать за тебя, Иванушко Годинович!* (Соколов-Чичеров, № 145).

Два текста Романов завершил былинными концовками: *Тем старина эта и покончилась* (Соколов-Чичеров, № 139, 141); его земляк ни разу их не использовал.

Приведенные факты не поддаются однозначному объяснению. Колодозерский старик, сказитель из соседнего поселения, безусловно, был известен Трофиму Романову<sup>1</sup>. От него (или от общего предшественника) он усвоил былинную о трех поездках Ильи Муромца. Но считать, что Романов обязан своему земляку всем своим эпическим знанием, вряд ли правомерно. В их старинах совпадающих или близких общеэпических формул гораздо меньше, нежели в текстах «учителей» и «учеников» (например, Т. Рябинин и его потомки; И Сивцев-Поромский и А. Артемьева; Н. Прохоров и И. Фофанов; А. Сорокин и Г. Сидоров-Полевой и др.). Следует отметить, что в былинах Колодозерского старика тоже немало типовых формул, которые отсутствуют у его земляка, поэтому диапазон расхождений становится еще шире.

Трофим Романов не был выдающимся эпическим певцом, но некоторые фрагменты его текстов не уступают лучшим образцам классического формульного стиля. Таково, например, построенное на системе подхватов описание шубы богатыря-щеголя:

*На молодце шуба соболиная,  
Того ли-то соболя заморского,  
Заморского соболя ушистого,  
Ушистого соболя, пушистого* (Соколов-Чичеров, № 144).

Выразительным сравнением с использованием диалектного глагола *пахнуть* («вымести») украсил сказитель своего «Илью и Калина»:

*Как метлой пахнули силу поганую* (Соколов-Чичеров, № 141).

В его былинах встречаются и другие областные слова: *выстал*; *ольги* (болота) *топучие*; *бажены* (любимые) *детушки*; *воронец*<sup>2</sup> («доска, привешенная на ве-

<sup>1</sup> Осведомленность олонечских крестьян о жителях удаленных деревень и происходящих там событиях достойна удивления. От Андрея Сорокина, жившего примерно в 20 километрах севернее Пудожа, П.Н. Рыбников «разведал про замечательных певцов в Волдозере, на Кенозере и других местностях Пудожского уезда» (Рыбников, I, с. LXXXVII). А.Ф. Гильфердинг не был на Колодозере, ближайшие точки его маршрута отстояли от него на 70–80 верст. Но собирателю сообщили о том, что Т. Романов уже умер (Гильфердинг, I, с. 40–41).

<sup>2</sup> *Воронец* вместо боевого оружия Илья Муромец использует и в былине кенозерской певицы И. Калитиной (Гильфердинг, № 232).



ревах поперек избы»); *дробь* («выжимки») — два последних примечания принадлежат П.Н. Рыбникову (Рыбников, II, с. 301, 303). Вместе с тем Романов иногда использовал церковнославянизмы и другие чуждые фольклорному лексикону слова и речевые обороты (*громкий глас; поёшь, еси* («ешь»); *просит* <...> *со усердием; искать докторов; Дюкова наложница*).

И в других случаях сказителю не удавалось избежать отклонений от эпического канона, смысловых неувязок и противоречий. Зачин «Ильи и Идолища» (Соколов-Чичеров, № 140) позаимствован из сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Добрыня живет *в Москве, на горке на Вишвой* (ср. местную редакцию былины «Соловей Будимирович»), но мать запрещает ему *в Киев* ездить *во тыя улочки Маринские* (Соколов-Чичеров, № 143). Механические перенесения из других сюжетов не всегда согласуются с контекстом. На богатырской заставе Дюк находит не только Илью Муромца, но и Самсона Самойловича (наваяно пудожской модификацией сюжета «Илья Муромец и Калинин-царь»), называет его *дядюшкой*, хотя сам он вырос за пределами былинного Киевского княжества и впервые едет в его столицу (Соколов-Чичеров, № 144). Чернигов осознается как чужеземный город, что характерно для пудожских редакций сюжета «Иван Годинович»; более того — расположен он *за славным за синим морем* (Соколов-Чичеров, № 145). У киевского *князя* Владимира *царский двор, царское крылечико, цареви приворотники* и т.п., а в знаменитой столице православного мира правит *цареградский князь* (Соколов-Чичеров, № 140).

Иногда Романов включал в свои былины сказочные мотивы и образы. Соперником Ивана Годиновича оказывается *Кощей Бессмертный*, перед поединком с богатырем он говорит:

*Кому на бою будет Божья помочь.*

В устах мифического персонажа эта фраза явно неуместна. В финале «Добрыни и Маринки» (Соколов-Чичеров, № 143) *бабушка-задворенка*, возвращающая герою человеческий облик, *обвернула злодейку собакою* (ср. с волшебной сказкой<sup>1</sup>).

Т. Романов — один из немногих сказителей, которые вместо традиционно имени *Калин* называли татарского царя *Каином* (Соколов-Чичеров, № 141). В.П. Аникин высказал предположение, что «“Калин” — обычная народная этимология имени Каина»; «Массе народных сказителей эпических песен имя Каин не было понятно, и они превратили его в “Калина”»<sup>2</sup>. С такой трактовкой трудно согласиться. Народная этимология предполагает замену непонятого слова понятным. Имя *Калин* ничего не говорит русскому крестьянину, а *Каин* многим был знаком по Ветхому Завету и церковным проповедям.

**Колодозерский старик**, имя которого так и осталось неизвестным науке, — самая яркая фигура среди местных носителей эпической традиции. Его искусство высоко ценил П.Н. Рыбников, считавший этого певца одним из немногих

<sup>1</sup> The Types of the Folktales: A Classification and Bibliography / A. Aarne's Verzeichnis der Marchentipen (FF Communication. No. 3) translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1964. No. 449.

<sup>2</sup> Аникин В.П. Русский богатырский эпос: пособие для учителя. М., 1964. С. 109.

«настоящих сказателей» (Рыбников, III, с. 317). (Заметим, что этого звания он не удостоил таких незаурядных певцов, как Никифор Прохоров, Терентий Иевлев, Николай Дутиков.) Собирателю не удалось зафиксировать весь репертуар Колодозерского старика. По дороге из Шалы в Пудож Рыбников сильно ушиб руку, что заметно снизило его работоспособность. «Сам я мог записывать с большим трудом. Так, в Колодозере я отыскал первостепенного сказателя, с лишком девяностолетнего старика. <...> Будь я здоров, я с ним не расстался бы; а тут пришлось записать 5 былин, и некоего было попросить заступить мое место, потому что даже старшина был неграмотен» (Рыбников, I, с. LXXXVIII). Не исключено, что по просьбе собирателя работа с этим сказателем все-таки была продолжена. Через год с небольшим он писал П.А. Бессонову, что ждет «сборников былин из Колодозера от старика, у которого я уже прежде записывал былины, и от сумозерского сказателя» [Андрея Сорокина. — Ю.Н.] (Рыбников, III, 317). Но если старины Сорокина Рыбников получил, то колодозерских так и не дождался. На наш взгляд, его надежды на новые записи были вполне обоснованными. Перечисляя эпические песни, которые знал Колодозерский старик, собиратель назвал «Дюка», оставшегося незафиксированным. Маловероятно, чтобы сказитель такого масштаба не знал самых популярных на Пудоге сюжетов «Добрыня и Аlesia», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Исцеление Ильи Муромца».

Безупречный художественный вкус, виртуозное владение словом позволяли сказителю создавать оригинальные поэтические образы, легко и непринужденно формировать отдельные стихи и «выстраивать» их в крепко спаянные тирады. Перечисляя киевских богатырей, он для каждого из них находил характерный эпитет. Князь Владимир

*На богатырей службы наметывал:  
На первого богатыря, старого Илью Муромца,  
На второго богатыря, молода Добрыню Микитича,  
На третьего, на душечку Михайлу Потыка Ивановича*  
(Соколов-Чичеров, № 166).

Катерина Микулична, с нетерпением поджидавшая в гости Чурилу, пеняет ему за задержку:

*У меня ставленные столики — не обранные,  
А ставленные пивца — не выпитые,  
А сряжены ества — не съеденные:  
Все ждала Чурилушку Пленковича*  
(Соколов-Чичеров, № 168).

У князя Владимира

*Некому играть в гусли на честном пиру,  
Иер играть, напевки напевать  
Про старые времена и про нынешни,  
И про все времена доселюшны*  
(Соколов-Чичеров, № 167).

Колодозерский певец обладал редкостным даром органично сопрягать краткость с выразительностью, добиваясь афористического звучания отдельных строк:

*Кто от беды откупается,  
А Чурила на беду накупается;*

*Того дела Чурилушка не пятится* (Соколов-Чичеров, № 168);

*Званому гостю место есть,  
А незваному гостю места нет* (Соколов-Чичеров, № 169);

*И кинуло его в забытку спать;*

*Силу всю прибил, припленил* (Соколов-Чичеров, № 166).

Увидев своего *крестового батюшку* в разгар боя с новгородцами, Василий Буслаев выговаривает ему:

*Тебя ли черт несет  
На своего на любимого крестничка?  
А у нас-то ведь дело деется,  
Головами, батюшка, играемся* (Соколов-Чичеров, № 169).

Некоторые сюжетообразующие мотивы, детали и формулы Колодозерского старика не имеют близких аналогов в других записях былин и, возможно, являются результатом его индивидуального творчества. Когда *князь новгородский* отказался принять дары у матери Василия Буслаева и помириться с ее сыном, Авдотья Васильевна

*Рассеяла красно золото и чисто серебро  
И скатен жемчуг по чисту полю,  
Сама говорила таковы слова:  
«Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни скатен жемчуг,  
А дорога мне буйная головушка  
Своего сына любимого,  
Молода Васильюшка Буслаева»* (Соколов-Чичеров, № 169).

Известное лучшим кенозерским певцам гиперболическое описание «джигитовки» Чурилы Пленковича:

*С коня он на конь перескакиваё,  
Через три-то он коня да на четвёртого* (Гильфердинг, № 229)

в былине пудожского сказителя оформлено по-другому, но не менее ярко и выразительно:

*С коня на конь перескакивает,  
Умолдцев шапочки подхватывает,  
На головушки шапочки покладывает* (Соколов-Чичеров, № 168).

Следует отметить, что Колодозерский старик удачно использовал в своих формулах бытовую и диалектную лексику. Чтобы вынудить *змею подземную* принести живой воды, Михайло Потык убивает змееныша:

*Он положил под каблук змееныша, —  
Одна стала грязь подпорожная.*

Поднять камень, в который коварная жена превратила Потыка, смог только прохожий старичок (на самом деле — *Микола Можайский*); киевским богатырям это оказалось не под силу.

*Прискочил ко камню Добрыня Никитич,  
А не мог под камень ветра подпустить* (Соколов-Чичеров, № 166).

Вооружившись *черленным вязом*, Василий Буслаев расправился с новгородской *силой*. *Набило мужиков, как погоду*, — резюмировал сказитель (Соколов-Чичеров, № 169). (В севернорусских говорах *погодой* называют непогоду, ненастье<sup>1</sup>.)

Как уже отмечалось выше, некоторые диалектные слова и грамматические формы встречаются в текстах обоих пудожских певцов. К этому списку можно добавить еще несколько примеров из былин Колодозерского старика: *приплыла* (приползла) *змея подземная*; *стоснулося* (стало *тошно* — тяжело, несносно) *богатырю во сырой земле*; *пестнё-угол* («против устья печки» — примечание собирателя: Рыбников, II, с. 469); *времена доселюшны* (прежние, до сего дня); *жуковины* (перстни); *бить* <...> *нежалухою* (два последних слова использовали и другие прионежские певцы: Гильфердинг, № 77, 151 и др.).

На фоне других пудожских записей былины Колодозерского старика выделяются наличием мощного пласта архаичных элементов разного уровня, многочисленными переключками с вариантами из других регионов, порой удаленных от его родной деревни на тысячу — полторы тысячи километров. Характерные для эпических песен картины средневекового быта сказитель нередко обогащал новыми красками. Подданные князя Владимира жалуются, что Чурила со своими дружинниками

*Кунных-то лисов всех выловил,  
Кунную рыбу выдавил*<sup>2</sup> (Соколов-Чичеров, № 168).

Выделенный нами эпитет означает «обильный, дорогой» и связан с теми далекими временами, когда «беля, кунья, соболья меха заменяли деньги»<sup>3</sup>. В другом тексте упоминается *булат иверьянский* (Соколов-Чичеров, № 167) — либо испанский («Иберийские горы» на северо-западе Пиренейского полуострова), либо закавказский, что более вероятно («Иберия» — древнее название Грузии). Традиционное заклинание *Настасьи Лиходеевны*, превратившей

<sup>1</sup> Даль В. Указ. соч. Т. 3. С. 155.

<sup>2</sup> У Рыбникова ошибочно записано *повыдавал*.

<sup>3</sup> Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 218.

Михайла Потыка в *бел горюч камень* (Соколов-Чичеров, № 166), дополнено весьма архаичной подробностью:

*А пройдет времечка три году,  
И пройди сквозь матушку сыру землю  
(то есть смерть богатыря станет необратимой).*

С этими фактами гармонично сочетаются лексические архаизмы и историзмы, грамматические формы древнерусского языка: *изба куреная* (курная); *мелкая чета*, *князья-бояре* (подвластные князю Владимиру); *дощечка тавлейная*, *играть в дороги тавлеи красна золота*; *труднички-рабнички* («работающие на монастырь по обету, бесплатно»<sup>1</sup>); *и приводил ю [ее] во веру крещеную*; *блеста позолоченная* («кольцо, вделанное в металлическую доску и прибитое к воротам»<sup>2</sup>).

Примечательно, что в текстах Колодозерского старика нет ни одного слова или формулы, выходящих за рамки традиционного былинного лексикона, — случай едва ли не уникальный в истории бытования русского эпоса. В этом плане с ним не могут сравниться даже самые прославленные сказители Олонечского края, в старинах которых изредка встречается лексические модернизмы: Т. Рябинин — *рубашечки-манишечки*; В. Лазарев — *слесаря*; А. Чуков — *карты билиартовы*; П. Калинин — *фельдмаршалы*; Н. Прохоров — *балалаечки*; А. Сорокин — *публикуй указы строгие*; И. Сивцев-Поромский — *извозчик*; П. Воинов — *шляпа с полимажами* и др. Подобные новации есть и у Кирши Данилова — *приказчики хорошия*; *таможня*; *караулы* и т.п.

Как и у большинства лучших сказителей Прионежья, влияние сказок в былинах этого певца почти не ощущается. Можно указать лишь два примера: упоминание *меча-кладенца* в описании богатырского оружия и необычную развязку сюжета «Михайло Потык»: женившись на своей спасительнице, дочери царя Вахрамея, богатырь

*Да в том царстве царем стал,  
Тут стал жить да быть,  
Добра наживать, и теперь живет* (Соколов-Чичеров, № 166).

В былинах Колодозерского старика особого внимания заслуживают мотивы и образы, близкие параллели к которым обнаруживаются в сборнике Кирши Данилова (Урал). Только эти два исполнителя соединили былины «Чурила и князь» и «Чурила и Катерина» в одно сводное произведение. Пудожский певец довел повествование до логического конца (Соколов-Чичеров, № 168), а в уральском сборнике второй сюжет обрывается в самом начале (по следам на снегу выясняется, что новый княжеский стольник Чурила Пленкович тайком зашел во двор *старого Бермяты Васильевича к его молодой жене Катерине прекрасной*) (КД, № 18). Служба Чурилы в Киеве кратко описана в некоторых кенозерско-каргопольских вариантах первого сюжета (Гильфердинг, № 223; Рыбников, II, с. 463 — подстрочное примечание), но в них интрига исчерпыва-

<sup>1</sup> Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 437.

<sup>2</sup> Там же. Т. 1. С. 96.

ется повышенным вниманием княгини Апраксии к герою и недовольством князя Владимира по этому поводу. В былине колодозерского сказителя Чурила живет *во Киевце, на матушке <...> на Сорого на реке*; в уральском сборнике — *пониже Малова Киевца*, на берегу реки *Череги. Малой Киев* фигурирует в одной из пинежских записей старины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»<sup>1</sup>. Традиционная река *Сорога* у Кириши Данилова заменена сходным по звучанию названием реальной реки *Череги* в окрестностях Пскова (КД, с. 440 — примечание Б.Н. Путилова). Факт замены очевиден, поскольку прозвище отца Чурилы в уральском варианте осталось прежним и оно напрямую связано с былинным названием реки — *Пленка Сороженин*.

После стихотворного текста «Трех поездок Ильи Муромца» П.Н. Рыбников поместил свой собственный пересказ побывальщины об этом богатыре, которую он слышал от Колодозерского старика (Рыбников, II, 435–436). В нем конспективно изложено содержание двух сюжетов — «Илья Муромец и Сокольник» (у пудожского певца «*Бориска*») и «Бой Добрыни с бабой Авдотьей *Горыничкой*». Контаминация этих же произведений есть в уральском сборнике (КД, № 50), причем и здесь сын Ильи Муромца — *Борис-королевич млад*, а его мать — *баба Горыничка*. (Первое имя встречается также в ряде архангельско-беломорских былин и в одном из алтайских текстов<sup>2</sup>.) В прозаическом вступлении к старине «Василий Буслаев» (Соколов-Чичеров, № 169) ключевой мотив созвучен с финальным эпизодом былины о Дунае-свате в сборнике XVIII века (КД, № 11). Оба сказителя использовали нехарактерный для эпического лексикона глагол «*плонуть*» — Колодозерский старик в былине «Михайло Потык» (Соколов-Чичеров, № 166), а Кириша Данилов — в «Ставре» и «Илье и Калине» (КД, № 15, 25). Есть это слово и в старине «Василий Буслаев» калики из Красной Ляги (Рыбников, № 198 — Каргополье). Еще одна параллель — необычная краткая форма прилагательного *не весел, не радощен* (Рыбников, № 169; КД, № 16, 22 и др.). Изредка она встречается у сказителей с Кенозера и Моши (Гильфердинг, № 222, 227, 306).

С фольклорными традициями сопредельных районов у Колодозерского старика есть и другие примечательные точки соприкосновения (часть из них была указана при анализе былин Т. Романова). Он — единственный прионежский сказитель, описавший редкий способ эпической расправы: Михайло Потык *царя Вахрамея на воротах расстрелял* (Соколов-Чичеров, № 166). Этот мотив был известен ряду певцов из Кенозерско-Каргопольского края (Гильфердинг, № 266; Рыбников, № 196), зафиксирован он и на реке Кулой<sup>3</sup>. Былину о Чуриле с кенозерскими вариантами роднит подробное описание его дружинников (Соколов-Чичеров, № 168, стихи 80–89; ср.: Гильфердинг, № 251, стихи 157–171; и др.). Как и мошинский сказитель Н. Швецов (Гильфердинг, № 304–306), Колодозерский старик использовал редкое в былинах слово *сударь* (Соколов-Чичеров, № 167) (ср. некоторые печорские и мезенские

<sup>1</sup> Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. СПб., 2002. Т. 1. № 38.

<sup>2</sup> Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / изд. подгот. С.Н. Азбелев и Ю.И. Марченко. СПб., 2002. № 94 и др.; Былины и исторические песни из Южной Сибири / записи С.И. Гуляева. Новосибирск, 1939. № 29.

<sup>3</sup> Архангельские былины и исторические песни. СПб., 2003. Т. 2. № 249, 271.

тексты: Свод, I—II, № 6, 179, 235; V, № 149 и др.). В этих же регионах бывшей Архангельской губернии неоднократно фиксировалась уникальная для олонецкой традиции формула колодозерского певца — Василий Буслаев

*Прямо шел во грядню столовую,  
Он левой ногой во грядню столовую,  
А правой ногой за дубовый стол*

(Соколов-Чичеров, № 169; ср.: Свод, III, № 37, 40, 50 и др.), а также характеристика юного богатыря: *малешенек <...> и зеленешенек* (Соколов-Чичеров, № 169; ср.: Свод, I, № 12, 141; IV, № 173 и др.).

В отличие от вариантов Трофима Романова в текстах его земляка гораздо больше сходжений с записями из западных былинных регионов Олонецкого края (Пудожский берег и центральная Пудога, Кижы, Повенец-Толвуй). В былине «Михайла Потык» (Соколов-Чичеров, № 166) князь Владимир отправляет богатыря *коренить языки человечески* (покорять другие народы), *прибавлять земельки святорусския*. Аналогичный наказ

*Кори ты там языки неверныи,  
Прибавляй земельки святорускияи*

получает герой в варианте Н. Прохорова (Гильфердинг, № 52). В этой же старине царь *Вахрамей Вахрамеевич* отказывается убивать спящего богатыря, успокаивая его жену-изменницу:

*Единое дерево не темный лес,  
А един человек не рать в поле!*

Аналогичную формулу пудожские сказители разных поколений использовали в сюжете «Соломан и Василий Окулович» (Рыбников, № 137; Соколов-Чичеров, № 27 и др.). Как и у Никифора Прохорова, *старичище*, вернувшийся Михайла Потыка к жизни, оказался *Миколой Можайским* (в других прионежских вариантах — *Миколой святителем, Михайлом Архангелом* — Гильфердинг, № 6, 40 и др.). Для прионежской традиции характерны еще два эпических стереотипа, входивших в художественный арсенал колодозерского сказителя:

*Не достать Ставра, разгневить посла,  
А достать Ставра, увезет Ставра.*

(Соколов-Чичеров, № 167; ср.: Гильфердинг, № 151; Рыбников, № 133 и др.);

*Ай же ты, мой добрый конь!  
Сюда меня нес три месяца,  
А взад меня носи в три часа.*

(Соколов-Чичеров, № 166; ср.: Гильфердинг, № 49, 107 и др.)



\*\*\*

Приведенные выше факты и наблюдения позволяют сделать некоторые обобщения.

Вплоть до конца XIX — начала XX века на Колодозере сохранялись весьма *благоприятные условия для активного бытования эпической поэзии*. Плотная группа деревень, населенных давними старожилами этих мест (возможно, прямыми потомками новгородских переселенцев эпохи раннего Средневековья), расположена на пересечении важнейших путей сообщения. В древние времена через Колодозеро проходил один из главных маршрутов из Новгорода в его северо-восточные владения. Позднее здесь проложили тракт, соединивший Обонежье с Каргопольем и южными уездами Архангельской губернии. Отсюда начиналась «столбовая» почтовая дорога на Кенозеро, реку Онегу и Мошинское озеро (до революции эти районы входили в состав Пудожского уезда Олонецкой губернии). В колодозерских деревнях ночевали водлозеры, торговавшие рыбой с каргополами и покупавшие у них пшеницу; здесь останавливались каргопольские *калики перехожие* — бродячие певцы духовных стихов, которые кроме религиозных произведений нередко знали и исполняли старины. Благодаря этому местные знатоки былевого эпоса получали возможность не только демонстрировать гостям свое мастерство, но и пополнять свой эпический багаж новыми сюжетами, оригинальными мотивами и формулами, позаимствованными у жителей соседних районов.

Именно в таких условиях, в зонах повышенной контактности формировались репертуары лучших сказителей Прионежья и Кенозерско-Каргопольского края — Т. Рябинина, А. Чукова, Н. Прохорова, А. Сорокина, И. Сивцева-Поромского и др. Не удивительно, что и на Колодозере, которое было обследовано собирателями гораздо хуже, в 60-х годах XX столетия нашли *незурядные исполнители — Трофим Романов и Колодозерский старик*. К сожалению, их тексты до сих пор остаются малодоступными для массового читателя. Отчасти это объясняется тем, что составители хрестоматий и антологий предпочитают публиковать записанные с пения варианты из сборника А.Ф. Гильфердинга (П.Н. Рыбников и его корреспонденты нередко записывали под диктовку исполнителей), а отчасти тем, что даже в лучших былинах Колодозерского старика встречаются прозаические фрагменты, что снижает их художественную ценность в глазах популяризаторов фольклора.

После революции из-за изменения административных границ Колодозеро оказалось на крайнем юго-востоке Карельской республики и превратилось в настоящий «медвежий угол». Некогда оживленные дороги, как поется в былинах, *заколodelи, замуравели*, мосты разрушились, многие деревни опустели. Естественно, и эпическая традиция в этих местах постепенно угасала, что подтвердили материалы экспедиций МГУ. Такую же картину собиратели наблюдали на Выгозере, Сумозере, Кумбасозере, Лекшмозере и в других регионах, оказавшихся в сходной ситуации.

Анализируемые тексты подтверждают некоторые закономерности бытования былин, выявленные на другом материале. Многие десятилетия *Колодозеро служило своеобразным мостом между эпическими традициями Обонежья и Кенозера*. У Т. Романова доминировала кенозерская составляющая, в старинах его земляков она уравновешивалась прионежскими элементами. Чтобы выяснить, чем вызваны те или иные схождения — общими корнями локальных вариантов



национальной культуры или прямыми контактами их носителей, в каждом конкретном случае нужны дополнительные исследования.

В статье указано *немало совпадений* или переключек *с записями из отдаленных областей России, вплоть до Кулоя, Мезени, Печоры и Урала* (сборник Кирши Данилова). Видеть в них заимствования вряд ли правомерно — вероятность непосредственного общения пудожан с жителями этих местностей ничтожно мала. Не менее рискованно ссылаться на проявления типологического сходства, обусловленные близостью художественного мышления эпических певцов. Этим можно объяснить 3–4 подобных случая, а в текстах колодозерских сказителей наберется около 20 очевидных переключек с архангельско-беломорской традицией и уральским сборником. На наш взгляд, необходимо учитывать еще одну возможность. Многие из отмеченных выше деталей и формул некогда могли входить в общерусский фонд, но впоследствии они сохранились в одних регионах и выветрились в других.

Ко второй половине XIX века в колодозерских былинах, как и в других эпических регионах, усилилось *влияние волшебных сказок* (не случайно их меньше всего в текстах самого старшего по возрасту сказителя — Колодозерского старика). Здесь гораздо раньше, нежели в соседних локальных традициях, наметилась *тенденция к усложнению структур эпических песен* путем соединения самостоятельных сюжетов в одном произведении. Среди опубликованных в сборнике П.Н. Рыбникова текстов доля контаминированных составляет почти 40 процентов (5 из 13). На остальной территории Пудогы в до-революционных изданиях удельный вес контаминированных былин в два раза меньше (16 вариантов из 86), а на Кенозере он не превышает 11 процентов (4 из 37). В записях советского времени контаминированные варианты стали довольно массовым явлением<sup>1</sup>. Сравнение текстов Колодозерского старика и его младших по возрасту землячков подтверждает еще одну закономерность, характерную для эволюции русского эпоса, — *постоянное обновление лексики*. Видимо, во все времена устаревшие, ставшие непонятными слова и грамматические формы заменялись новыми, но происходило это в рамках традиционного фольклорного лексикона и бытовой речевой практики крестьян. На рубеже XIX и XX столетий и здесь обозначились кризисные явления. Сказители новых поколений все чаще начали обращаться к книжной лексике, реалиям современного городского быта и к другим чужеродным для эпической поэзии элементам (церковнославянизмам, заимствованиям из западноевропейских языков и т.п.). Примечательно, что в текстах Колодозерского старика, родившегося во времена Фонвизина и Пугачева, подобные новации отсутствуют, а в былинах Трофима Романова, Домны и Дарьи Шпагиных они становятся обыденным явлением. А вот областные слова и грамматические формы, к которым охотно прибегали Колодозерский старик и Романов, их землячки не использовали.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 51–60.